

В магазине

Эвелин Стоун — бывшая горничная и выпускница Кембриджа

Грейс Перкинс — секретарь главного управляющего

Герберт Даттон — главный управляющий

Вивьен Лоури — разочаровавшаяся сотрудница

Алек МакДоноу — руководитель отдела художественной литературы

Эшвин Рамасвами — руководитель отдела науки и естествознания

Фрэнк Аллен — руководитель отдела редких книг

мастер-мореход Саймон Скотт — руководитель отдела истории

Вне магазина

Фредрик Кристенсон — вице-мастер Колледжа Иисуса в Кембридже

лорд Баскин — владелец «Книг Блумсбери»

ПАТАЛИ ДЖЕННЕР

- Эллен Даблдей* — вдова американского издателя
Нельсона Даблдея-ст.
- леди Браунинг* — английская аристократка и пи-
сательница
- Соня Браунелл Блэр* — вдова Джорджа Оруэлла
- Мими Харрисон* — кинозвезда
- Сэмюэль Беккет* — ирландский драматург
- Пегги Гуггенхайм* — американская наследница
и коллекционерка
- Стюарт Уэсли* — научный ассистент вице-мас-
тера Кристенсона
- Ярдли Синклер* — директор музейных услуг
в «Сотбис»
- Элси Мод Уэйкфилд* — заместитель хранителя
Гербария Кью
- доктор Септимус Фисби* — главный хранитель
печатных книг Британского музея
- Роберт Кинросс* — младший научный сотрудник
Колледжа Иисуса в Кембридже

ПРОЛОГ

*Кембридж, Англия
19 декабря 1949 года*

Эви Стоун в одиночестве сидела в крошечной квартирке на северной оконечности Касл-стрит, настолько далеко от колледжей, насколько только мог жить студент, продолжая *посещать занятия* в Кембридже. Но Эви больше не была студенткой — ее дни в университете были сочтены. В течение следующих сорока минут должно было решиться, сколько именно ей оставалось.

Единственное окно в комнате было приоткрыто, чтобы впустить прохладный декабрьский воздух, готовый завибрировать от звона колокола в Большой церкви Св. Марии ровно в трех милях отсюда. Собеседование со старшим научным сотрудником Кристенсоном было назначено на двадцать минут после — ровно столько ей понадобится, чтобы дойти до Колледжа Иисуса. Эви всегда тщательно рассчитывала время на дорогу.

Кристенсон назначал встречи в двадцать минут — одна из многих его знаменитых странностей.

Студенты в шутку называли это ВВК, или вредным временем по Кристенсону. Но и без гулких колоколов Большой церкви Святой Марии Эви смогла бы почти до секунды определить время. Она отточила этот навык, работая горничной в поместье Чотон, где два года втайне составляла каталог семейной библиотеки. Не имея часов, она ночами напролет перебирала все 2375 книг, страница за страницей. Эви теперь могла с расстояния в два фута оценить на глаз все — от издания эпохи Гутенберга до отпечатанного через копирку документа — и не только предсказать, сколько времени понадобится на то, чтобы кратко изложить содержание, но и быстро просмотреть каждую страницу. Эти умения она не афишировала. Она давно поняла важность быть недооцененной.

Мужчины с кафедры знали Эвелин Стоун как тихую, неприятную, но поразительно решительную студентку из первого женского класса, которому было позволено получить в Кембридже степень. После трех лет изнуряющих занятий в женском Гиртон-колледже Эви за свои труды — включающие объемную работу о современнице Остен мадам де Сталь — получила диплом с отличием первой степени и стала одной из первых выпускниц за восемьсот лет истории университета.

Кристенсон был следующим препятствием.

Ему требовался научный ассистент на грядущий пасхальный семестр, и Эви подала бумаги

ДЕВУШКИ ИЗ БЛУМСБЕРИ

раньше всех. Ей также больше всех требовалась работа. Выпустившись с отличием по английскому, она ассистировала младшему научному сотруднику Кинроссу в его многолетнем труде по аннотации романа Уильяма Мейкписа Теккерея «Ярмарка тщеславия». Но проект подошел к концу, и текущая стипендия Эви должна была иссякнуть с последним днем 1949 года. Став новым ассистентом Кристенсона, Эви смогла бы проводить бесчисленное количество времени за самостоятельным и безнадзорным исследованием сотни университетских библиотек — перспектива, которая на этой стадии академической карьеры казалась ей привлекательнее всего.

В ту же минуту, как начали бить колокола, Эви — уже одетая в зимнее пальто из плотной шерсти — встала, подхватила свой кожаный портфель и направилась к двери. Двадцать быстрых шагов вниз по улице, пять с половиной минут, прежде чем она прошла мимо «Замковой таверны», затем еще десять, пока не увидела изгиб реки Кем. Над рекой нависал мост Вздохов, готический и надменный. Каменное кружево переплетов в открытых окнах не позволяло студентам пробраться внутрь — студенческое баловство того рода, к которому Эви никогда бы не присоединилась. Или не была бы приглашена.

Колледж Иисуса, пункт назначения Эви, имел богатую историю, будучи основан в 1496 году на месте бывшего женского монастыря. Траву под

ПАТАЛИ ДЖЕННЕР

ногами Эви веками не стригли, отображая ее историческую роль в качестве фуража. Во время Второй мировой войны размещенные под садами бетонные убежища защищали от немецких воздушных рейдов. Так средневековый университет стал нести шрамы современного существования вместе с плодами: всего несколькими годами позже студенткам Кембриджа наконец было позволено выпускаться.

Эви не думала обо всем этом, пересекая двор. Вместо этого ее мозг отсчитывал время по ритмичному хрусту покрытой изморозью лужайки под легко обутыми ногами. С каждым четким, размеренным шагом ударялся о бедро потрепанный кожаный портфель, оттянутый весом сложенного внутрь образца ее работы: почти сто страниц разбора индивидуальности и сопротивления в работах де Сталь, которые Эви не могла бы написать лучше, за что и получила высший балл из возможных. В портфеле также лежало рекомендательное письмо от младшего научного сотрудника Кинросса. Тут Эви могла бы справиться лучше, но не знала, что ей это нужно.

Мими Харрисон написала Эви в начале осени, ожидая, что той вскоре понадобится работа. Мими убеждала ее принять рекомендательное письмо от своего мужа, который недавно завершил трехлетнюю профессию в Колледже Иисуса и вернулся в Гарвард с новой женой.

ДЕВУШКИ ИЗ БЛУМСБЕРИ

— Но мы встречались только единожды, — возразила Эви Мими по телефону в общей гостиной внизу.

— Чепуха, — ответила Мими с ноткой снисхождения в голосе. — Когда я двадцать лет назад прибыла в Голливуд, у меня было только письмо от бывшего партнера отца по юридической практике, и до этого я с ним встречалась всего один раз. Кроме того, Джеффри отчаянно хочет помочь тебе.

— Но почему? Почем ему... я хотела сказать, он не... не знает меня, — Эви часто срывалась на чотонский говор, общаясь с Мими, дружба с которой корнями уходила во времена, проведенные ими вместе в маленькой деревне.

Мими засмеялась — в беседах с серьезной Эви она всегда старалась придерживаться легкого тона.

— Но он знает *меня*, и он знает, что я на глазок определяю хорошего человека.

Все же Эви отказалась. И все же Мими отправила письмо, как часто поступала с билетами в театр, на поезд и множеством других вещей, которые она пыталась подарить Эви на протяжении многих лет. Щедрость Мими Харрисон, знаменитой актрисы кино и театра, не знала границ.

Как не знала их гордость Эви. Поэтому сегодня она несла с собой рекомендацию профессора Кинросса. Кинросс за семестр раздавал множество подобных писем, но бедная Эви этого не знала. Она была крайне довольна, когда он пред-

ложил ей рекомендательное письмо. Она провела серьезную исследовательскую работу для его примечаний к «Ярмарке тщеславия», и он назвал ее способной и умелой. Конечно, для старшего научного сотрудника Кристенсона этого должно было хватить.

На часах было 2:22, и Эви чувствовала себя совсем крошечной, сидя в большом крутящемся кресле перед лицом всего своего будущего. Кристенсон опустил письмо Кинросса, похлопал по верхней из сотни страниц о де Сталь и вздохнул.

— Это исследование... сплошь малоизвестные писательницы. Даже де Сталь далеко до Джордж Эллиот.

Эви показался примечательным этот комментарий, притом что Кристенсон был широко известен своими познаниями о последней.

— В конце концов, сливки всегда поднимаются, не так ли? — он откинулся на стуле. — И совместная работа... по мистеру Теккерею...

Эви выпрямилась. Она особенно гордилась своими исследованиями для профессора Кинросса, которые выполняла вместе со Стюартом Уэсли, другим недавним выпускником. Кинросс хвалил ее за заметки и внушительный указатель, который она создала для поддержки его примечаний. Он советовал ей уделять оригинальным источникам столько времени, сколько возможно, часто подчеркивая, как критически важна аккуратность для всего проекта.

ДЕВУШКИ ИЗ БЛУМСБЕРИ

— Ваш коллега мистер Уэсли внес серьезный вклад, как я понимаю.

Эви еще сильнее выпрямилась.

— Мы оба внесли серьезный вклад.

Кристенсон замолк, щурясь как от ее скромности, так и от слишком знакомого рекомендательного письма перед ним. Кинросс ничуть не помогал своим студентам этими рутинными писульками.

— Да, что ж, я понимаю, что вы занимались исследованиями и прочим, но текст... — Кристенсон улыбнулся, так тепло и непривычно, что Эви внутренне насторожилась. — Как вы знаете, мне необходима определенная легкость в обращении с текстом, с, ах, с *языком*. — Последнее слово он произнес особенно отчетливо, почти с лишним слогом, и Эви тем сильнее ощутила собственный деревенский акцент, который, напротив, стремился к сокращению.

— Вы, возможно, не знаете, но с нового года я займу должность вице-мастера Болта. Останется меньше времени, чтобы писать самому, к сожалению. — Кристенсон взял в руки лежащие перед ним бумаги, легким ударом выровнял нижний край о промокашку на заваленном столе, затем вернул ей всю ее семестровую работу.

— Благодарю за потраченное время, мисс Стоун. — Он чуть кивнул в сторону закрытой двери кабинета, что было его знаком окончания разговора, и Эви быстро кивнула в ответ, прежде чем спешно уйти.